

351/21

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXIV.

Редактировалъ д. чл. А. Д. Рудневъ.

№ 10111

№ 1082/99
572(059)

186/18

СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ

Григорія Николаевича

Потанина.

(Съ портретомъ, 7 отдѣльными таблицами, 5 рисунками въ текстѣ, нотами и картой).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Θ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.

1909.

22ms.

71198

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Н. Н. Юмудскій.

Присяга у Закаспійскихъ туркменъ.

Въ своемъ небольшомъ очеркѣ я не имѣю въ виду исчерпать весь вопросъ о положеніи института присяги у Закаспійскихъ туркменъ¹, а хочу дать только нѣкоторый матеріалъ по этому интересному вопросу, имѣющему весьма важное значеніе въ повседневной жизни туркменъ.

Въ Европейской Россіи и вообще въ Европѣ присяга имѣетъ двоякое значеніе: какъ клятвенное обѣщаніе на будущее время—выполнить то или другое и какъ доказательство вѣрности происшедшаго; въ первомъ случаѣ присяга принимается всѣми вступающими на государственную или общественную службу, при вступленіи въ сословіе, передъ дачей свидѣтельскихъ показаній на судѣ и т. п.

Не такъ понимаютъ присягу туркмены.

¹ Закаспійскими туркменами мы называемъ туркменъ, живущихъ въ области отъ Каспійскаго моря до Аму-Дарьи къ сѣверу отъ Копетъ-Дага. Кромѣ того туркмены живутъ еще: въ Батумской области, на Сѣверномъ Кавказѣ, Бухарѣ и т. д.

Они, какъ и вообще мусульмане, помня твердо, что ни одинъ человѣкъ не можетъ поручиться за будущее, не рѣшаются быть такъ самоувѣренными, чтобы впередъ предрѣшать его и клясться, что поступятъ именно такъ, а не иначе; они не могутъ знать, что будетъ съ ними потомъ, завтра, черезъ минуту, но туркмены твердо знаютъ, что было съ ними въ прошломъ и только относительно совершившагося прошлаго могутъ смѣло утверждать что-либо, даже подъ присягой.

Вслѣдствіе этого у нихъ совершенно отсутствуетъ первый видъ присяги — на будущее время: они не принимаютъ присягу предварительную и могутъ клясться только о прошломъ.

Однако и этотъ послѣдній видъ присяги примѣняется у нихъ весьма рѣдко, вслѣдствіе особаго отношенія туркменъ къ институту присяги.

Присяга у туркменъ называется *ант* и *кассам*; присягу туркмены не принимаютъ, а «пьютъ»; *ант - ичмек* — пить присягу, такъ какъ принять присягу — у нихъ означаетъ — перенести тяжелое испытаніе, влекущее за собой серьезныя послѣдствія и очень рѣдкій туркменъ отважится на это тяжелое испытаніе, — «выпить присягу» равнозначущее нашему выраженію — испить чашу до дна. Дѣйствительно, они присягу не принимаютъ, а какъ бы пьютъ съ сознаніемъ великой важности этого акта и съ извѣстнымъ душевнымъ страданіемъ и болью, на что указываетъ обычный порядокъ при принятіи присяги.

Туркмены унаслѣдовали этотъ институтъ, въ настоящемъ его видѣ, изъ ученія Магомета, отъ древнихъ арабовъ, вмѣстѣ съ религіей, что подтверждается и названіемъ присяги — *кассам* (что по арабски означаетъ клятва). Въ древности, принимая присягу, пили при этомъ кровь и потому возникло это выраженіе: «пить присягу» — *кассам - ичмек*; со временемъ этотъ обычай исчезъ, но выраженіе — пить присягу — сохранилось. Туркмены, сохранивъ выраженіе *кассам - ичмек* (пить присягу) — добавили къ этому свое выраженіе: *ант - ичмек* (что означаетъ тоже), придали совершенно иное значеніе слову «пить» и наложили на весь институтъ присяги своеобразный туркменскій отпечатокъ, гармонирующій со всѣмъ строемъ жизни этихъ рыцарей Закаспійскихъ степей, лихихъ номадовъ.

Какъ выше уже было указано, у туркменъ съ понятіемъ «пить присягу» связано сознание исполненія чрезвычайно важнаго и тяжелаго акта, порочащаго человѣка и равнозначущаго совершенію большого грѣха.

Порядокъ принятія присяги въ присутствіи муллы и надъ Кограномъ¹ указываютъ на вліяніе религіи на этотъ институтъ.

О случаяхъ ложной присяги говорить не приходится, такъ какъ по этому вопросу у туркменъ двухъ мнѣній не существуетъ, и осужденіе и проклятіе тому несчастному, который бы рѣшился совершить такой тяжкій грѣхъ, будетъ произнесено единоголосно всѣмъ обществомъ и безъ малѣйшаго замедленія обрушится на голову виновнаго, на его потомство и родъ. Бываютъ только случаи, и то изрѣдка, не ложной (умышленно), а ошибочной присяги, по заблужденію и невѣдѣнію; вслѣдствіе этого далѣе мы остановимся исключительно только на послѣднемъ видѣ присяги, игнорируя совершенно, такъ называемую ложную присягу, т. е. рассмотримъ присягу въ тѣхъ случаяхъ, когда она принимается въ сознаніи полной справедливости утверждаемаго.

Какъ нами было уже указано, у туркменъ не существуетъ присяги предварительной, передъ вступленіемъ на службу, передъ дачей свидѣтельскихъ показаній и т. д.

При чемъ здѣсь мы считаемъ долгомъ оговориться, что тѣ случаи предварительной присяги, которые встрѣчались со времени покоренія Россіей Туркменіи, напримѣръ, принятіе присяги всѣмъ населеніемъ при вступленіи на престолъ Императора Россіи, членами чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей передъ сессіей суда и т. д., есть явленіе русскаго происхожденія, новое для туркменъ, не имѣющее ничего общаго съ туркменскимъ институтомъ присяги.

Всѣ случаи туркменской присяги являются преимущественно средствомъ доказательства, какъ на судѣ, такъ и внѣ онаго, событій, имѣвшихъ мѣсто до момента принятія присяги. Однако

¹ Когран священная книга у мусульманъ, гдѣ изложено ученіе Магомета.

не для всякаго смертнаго доступно это средство доказательства, такъ какъ человѣкъ съ мало-мальски сомнительной нравственностью не можетъ быть даже допущенъ къ принятію присяги и таковое допущеніе составляетъ уже самостоятельный грѣхъ для лицъ, согласившихся на подобнаго рода доказательство. Последнее имѣетъ мѣсто въ силу того, что присяга у туркменъ есть актъ двухсторонній, какъ бы двухстороннее соглашеніе, — договоръ: никогда одно лицо не принимаетъ присяги по своему личному усмотрѣнію и желанію; всегда необходимо участіе двухъ сторонъ—стороны, дающей—разрѣшающей присягу, и стороны, принимающей присягу; только когда, при двухстороннемъ соглашеніи, будутъ подробно установлены мѣсто, время, способъ принятія присяги, лица, долженствующія принять присягу и тотъ объективный результатъ (*modus*), который долженъ быть достигнутъ актомъ присяги, можно говорить о состоявшемся договорѣ присяги. Согласно этому, у туркменъ существуетъ образное выраженіе — «дать присягу» — *ант - бермек* и «пить присягу» *ант - чимек* и отсутствуетъ простая односторонняя клятва.

Если бы кѣмъ либо и была дана односторонняя клятва, то она не имѣла бы никакого значенія, была бы пустымъ звукомъ, такъ какъ она никому не нужна, никто ее не требовалъ и никто ее «не давалъ!»

И такъ, у туркменъ присяга возможна только, какъ двухсторонній договоръ, какъ доказательство происшедшаго, имѣвшаго уже мѣсто въ дѣйствительности.

Намъ могутъ возразить, что, однако, въ литературѣ часто встрѣчаются указанія на то, что мусульмане давали предварительное клятвенное обѣщаніе на Когранѣ—исполнить что-либо въ будущемъ и такой видъ присяги встрѣчался, напримѣръ, передъ выступленіемъ на войну, при возстаніяхъ и проч. Въ виду этого мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что здѣсь имѣется въ виду исключительно присяга туркменъ, что многое, касающееся востока и мусульманъ, въ европейской литературѣ, представлено фантастично, не совсѣмъ правильно и часто легендарно.

Казалось бы, что человѣкъ, принявшій присягу, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ строгой туркменской морали, не совер-

шаетъ никакого грѣха и преступленія. Однако обычай туркменъ чрезвычайно суровъ въ отношеніи института присяги и эта суровая система у нихъ выдержана до конца удивительно послѣдовательно и безъ всякихъ изъятій. Обычай считаетъ всякую присягу великимъ грѣхомъ, порочащимъ человѣка при всѣхъ обстоятельствахъ и народное міровоззрѣніе не мирится съ этимъ видомъ доказательства истины происшедшаго.

Разсматривая присягу, какъ доказательство, какъ подтвержденіе того или иного событія, имѣвшаго мѣсто въ прошломъ, или правдивости утверждаемаго, мы наблюдаемъ слѣдующія нормы или правила, установленныя обычаемъ туркменъ и неукоснительно ими выполняемыя и до настоящаго времени, не смотря на то, что почти вся Туркменія уже 27 лѣтъ находится подъ владычествомъ Россіи.

Возникаетъ между двумя сторонами, безразлично будутъ ли то отдѣльныя лица или группы лицъ, спорный вопросъ или обвиненіе кого-либо въ извѣстномъ правонарушеніи или преступленіи; по рѣшенію туземнаго суда (русскія учрежденія), третейскаго суда, или самихъ сторонъ, устанавливается необходимость разрѣшить вопросъ присягой утвердительною или очистительною; при чемъ непремѣннымъ условіемъ, безъ чего присяга не имѣетъ абсолютно никакого значенія, является согласіе сторонъ. Какъ мы уже говорили раньше, одна сторона должна дать присягу, а другая должна принять ее; отвѣтственность ложится въ равной мѣрѣ на обѣ стороны и злоупотребляющій такимъ серьезнымъ и опаснымъ средствомъ установленія истины, какъ присяга, долженъ въ полной мѣрѣ нести на себѣ всѣ послѣдствія своего легкомыслія, безнравственнаго — по воззрѣнію туркменъ, какъ бы тяжелы они ни были; таковыя послѣдствія у нѣкоторыхъ племенъ туркменскихъ доходятъ включительно до лишенія жизни виновнаго, о чемъ мы расскажемъ ниже.

Туркменскій обычай, давая право существованія института присяги, какъ средству доказательства и признавая за нимъ права гражданства, въ то же время относится къ нему весьма осторожно и почтительно. Это институтъ— чрезвычайный, такъ

сказать, экстраординарный и къ нему можно обращаться только въ случаяхъ крайней необходимости, когда всѣ остальные средства исчерпаны. Обычай предписываетъ каждому туркмену избѣгать присяги и лучше понести извѣстный ущербъ, чѣмъ прибѣгнуть къ этому чрезвычайному средству возстановленія своей правоты или полученія нѣкоторой матеріальной пользы. Человѣкъ долженъ заботиться о душѣ и приобрѣтеніе благъ земныхъ не должно составлять для него главной цѣли жизни; тотъ, кто ради матеріальнаго, земного блага прибѣгаетъ къ присягѣ—сильно грѣшитъ и не достоинъ уваженія согражданъ, хотя бы это и дѣлалъ онъ въ сознаніи своей правоты и на основаніи своего права. Формально всякій вправѣ прибѣгнуть къ присягѣ, когда того требуетъ жизнь реальная, но этимъ сильно затрагивается міръ духовный и нравственный; въ этомъ принятіи проявляется малодушіе, ничтожество и невысокая нравственность человѣка—такъ какъ изъ за проходящаго земного блага, изъ за временныхъ выгодъ онъ рѣшается призывать Имя Бога во свидѣтели, онъ клянется и тѣмъ ужасно грѣшитъ; для него важнѣе какое то тлѣнное благо, чѣмъ чистота духовная; онъ вступаетъ въ сдѣлку съ совѣстью, онъ не боится Бога, онъ мелочной человѣкъ и покрываетъ позоромъ свое имя, клеймитъ свой родъ, а потому онъ не достоинъ уваженія и презирается. Отсюда—обычай, снисходя къ слабостямъ человѣка, разрѣшаетъ присягу, какъ средство чрезвычайное, но не рекомендуетъ къ нему прибѣгать и относится къ принятію присяги отрицательно, а принявшаго порицаетъ.

Намъ неоднократно приходилось быть свидѣтелями того, какъ туркмены, проѣзжая мимо аула (селеніе), указывали пальцемъ на опредѣленную кибитку и—съ оттѣнкомъ не то скорби, не то сожалѣнія или презрѣнія — говорили: «тамъ живетъ скверный человѣкъ, — онъ уже два раза въ своей жизни пилъ присягу». Чувствовалось, что надъ этимъ несчастнымъ домомъ витаетъ презрѣніе и проклятiе и обитателя его чуждается не только сосѣдъ, но и всякій путникъ; не заслужить ему въ этой жизни уваженія и довѣрія согражданъ; даже самая безупречная жизнь въ дальнѣйшемъ не сниметъ съ него окончательно клейма и общественное мнѣніе всегда будетъ направлено противъ него.

Накладывая тяжелое бремя и клеймо на принимающего присягу, народная мудрость идетъ на помощь немощному человѣку и старается оградить его отъ угрожающей ему опасности—неосторожно воспользоваться такимъ чрезвычайнымъ средствомъ, какъ присяга.

Народный обычай, зная, что люди безпринципные, молодые, порочные и т. п. скорѣе склонны къ злоупотребленію клятвой, выработалъ рядъ правилъ, затрудняющихъ такимъ неустойчивымъ элементамъ доступъ къ принятію присяги и нерѣдко совершенно недопускающихъ ихъ къ таковой. Далеко не всякій можетъ принимать присягу. Послѣ того, какъ состоялось соглашеніе сторонъ разрѣшить споръ присягой—начинается выборъ лицъ, которыя могутъ быть допущены къ принятію присяги. За весьма рѣдкими исключеніями, лица непосредственно заинтересованныя въ спорѣ (истецъ и отвѣтчикъ, или обвинитель и обвиняемый) не допускаются къ принятію присяги и стороны должны избрать изъ среды ближайшихъ родственниковъ, а иногда и изъ цѣлаго рода—лицъ, коихъ возможно допустить къ принятію присяги; избраніе это производится самымъ тщательнымъ образомъ и только то лицо можетъ быть допущено къ присягѣ, которое согласна будетъ допустить противная сторона; присяга принятая лицомъ, не избраннымъ противной стороною, значенія никакого не имѣетъ, не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій и равна нулю.

Избираются обыкновенно лица извѣстныя своей солидностью, нравственностью, всѣми уважаемая и обыкновенно въ возрастѣ весьма зрѣломъ. Никогда не допускаются къ присягѣ лица молодые и чѣмъ либо скомпрометированныя, не говоря уже ничего о людяхъ порочныхъ и преступныхъ. Если лица, на которыхъ палъ выборъ сторонъ, откажутся принять присягу, то этимъ разрѣшается окончательно вопросъ и всѣ невыгодныя послѣдствія возлагаются на ту сторону, представитель коей отказался отъ присяги. Отказъ отъ присяги послѣ того, какъ соглашеніе между сторонами состоялось, не является, такимъ образомъ, актомъ безразличнымъ, а напротивъ того есть актъ положительный и влечетъ за собой результаты такіе же, какіе

бы дало принятіе присяги противной стороной, т. е. вопросъ рѣшается въ пользу противной стороны. Принятіе же присяги стороной, обязанной къ тому, рѣшаетъ вопросъ въ пользу ея и кромѣ того нерѣдко вызываетъ разныя невыгодныя послѣдствія для стороны противной, дававшей присягу, напримѣръ, вызываетъ возмездіе и месть со стороны принявшей присягу, о чемъ будетъ ниже.

Чтобы быть послѣдовательнымъ и систематичнымъ, обычай возлагаетъ отвѣтственность, за злоупотребленіе присягой—этимъ священнымъ и чрезвычайнымъ средствомъ,—какъ мы упомянули выше, не только на принимающаго присягу, но также и на дающаго присягу. Это весьма важно и есть логическое послѣдствіе изъ стремленія сократить до минимума случаи примѣненія присяги и злоупотребленія ею. Дающій присягу беретъ на себя грѣхъ и отвѣтственность равныя тѣмъ, какіе несетъ и сторона принявшая присягу. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ туркменъ быть до крайности осторожными въ дѣлѣ примѣненія института присяги и много пережить и передумать раньше, чѣмъ отважиться на тяжелое и опасное испытаніе—разрѣшеніе спорнаго вопроса путемъ присяги.

Вслѣдствіе этого, случаи принятія присяги весьма рѣдки, такъ какъ отказывается отъ разрѣшенія спора путемъ присяги не только сторона, принимающая ее, но еще чаще и сторона, дающая ее.

Бережное и осторожное отношеніе къ институту присяги у туркменъ такъ велико, что даже въ томъ случаѣ, когда достигнуто уже соглашеніе сторонъ—прибѣгнуть къ присягѣ, какъ къ крайнему средству установленія истины, фактическаго принятія присяги не происходитъ и ее вполнѣ замѣняютъ извѣстныя символическія дѣйствія. Достаточно сказать въ присутствіи противной стороны на предложеніе ея принять присягу и нѣкотораго собранія, будь то судъ, посредники или просто благородные свидѣтели, что «я согласенъ принять присягу», или «я принимаю присягу въ доказательство того-то или того-то», чтобы считать, что присяга уже принята окончательно. Послѣ этого наступаютъ для сторонъ всѣ выгодныя и невыгодныя послѣд-

ствія, какія влечетъ за собою принятіе дѣйствительной присяги и вопросъ считается исчерпаннымъ.

Туркмены питаютъ, какъ сказано выше, какой то инстинктивный страхъ къ присягѣ и отвращеніе къ принимающимъ её; намъ пришлось видѣть, какъ всѣ лица, находившіяся въ залѣ суда, моментально, съ удивительной поспѣшностью, покидали залъ и разбѣгались, чтобы не быть свидѣтелями принятія присяги, какъ только рѣшался вопросъ, что присяга будетъ дана и принята и начинались приготовленія къ этой церемоніи. За мою многолѣтнюю жизнь среди туркменъ и участіе въ разборѣ ихъ спорныхъ дѣлъ я могъ наблюдать лишь два случая фактическаго приема присяги. Воспоминаніе и впечатлѣніе о нихъ у меня остались самыя тяжелыя; до сихъ поръ передо мною стоятъ негодующія и возмущенныя лица случайныхъ свидѣтелей и разочарованныя и смущенныя лица зарвавшихся участниковъ спора. Они убиты, удручены и успѣхъ, достигаемый нерѣдко присягой—не радуетъ ихъ; надъ ними тяготѣетъ народное презрѣніе и народная молва быстро разноситъ по степи вѣсть о великомъ грѣшникѣ.

Помню я, какъ въ 1899 году на чрезвычайномъ сѣздѣ народныхъ судей въ г. Асхабадѣ былъ слѣдующій случай. Въ сѣздѣ разбиралось дѣло по жалобѣ на молодого туркмена Мурада о кражѣ имъ 4-хъ верблюдовъ у Субханъ Верды. Въ сѣздѣ народныхъ судей, въ качествѣ члена его, присутствовалъ отецъ отвѣтчика — очень видный и всѣмъ извѣстный Э. К. сырдаръ (предводитель). Дѣло назначено было послѣднимъ номеромъ, на послѣдній день засѣданій сѣзда, чтобы почтенный старецъ Э. К. сырдаръ не только не присутствовалъ въ составѣ судей, но и чтобы онъ имѣлъ возможность выѣхать совершенно изъ города; это дѣлалось ввиду того, чтобы Э. К. сырдаръ не оказалъ вліяніе своимъ положеніемъ судьи сѣзда на исходъ дѣла и чтобы, въ случаѣ разрѣшенія спора помощью присяги, огра-

[Вышел 19 марта 1925]

[91 (062) (584)]

Journal of the Turkestan Branch of the Russian Geographical Society.
1924. Vol XVII.

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ

ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛА

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Том XVII.

Под редакцией секретаря Отдела И. А. Райковой.

Ташкент.

1924 г.

Зыкыр у туркмен Закаспийской области.

Иомуд Хан Караш Хан оглы.

Зыкыр производится как отчитывание над больными и как развлечение, удовольствие.

Зыкыр (чекмели چکملی) — над больными, одержимыми злым духом (арвах, джин ارواح جین), сумасшедшими — دهلی — производится над всеми полями и возрастами.

Зыкыр производится (чел'елер) по приглашению родных или самого больного (одержимого). Делают Зыкыр подряд или 3 дня, или 7, или 9 (10 дней нельзя). Зыкыр повторяют через месяц, три и т. д., несколько раз в год. Случаи совершенного излечения и поправления больных бывали и есть; бывали и случаи смерти.

В первый раз, днем, проделявают Зыкыр над самим больным, он сидит или лежит, по преимуществу в кибитке, которую совершенно освобождают от всех вещей и людей, только остается один палас; устраивают обыкновенно Зыкыр в кибитке самого больного, но бывает, что это проделявают и в кибитке ближайшего родственника, если сам больной беген.

Больного всегда сажают в середине кибитки, все остальные люди, которых очень много, сажаются кругом, и кибитка бывает полна народом.

Порядок производства Зыкыра таков. — Начинается с того, что в освобожденной кибитке от всего имущества, больной сидит в середине кибитки на паласе, все другие люди сидят кольцом по стенкам кибитки — кругом. Созывают людей, желающих делать Зыкыр, как молодых, так и пожилых; среди этих приглашенных обязательно должен быть хотя один из святого племени (эулат) — из племени Махтум, Ходжа. Ата, Ших, а также кто-нибудь из мулл.

Начинает Зыкыр опытный человек, по преимуществу из солидных. Ишан читает молитву и когда он закончит ее словами — «Алла Экбер», то несколько человек, имеющих голос, кто бы то ни было, начинают петь песни из книг, — например — Мешреб, Эдгем, Бакирган, Новаи, Фызуми, Хевапда; поют несколько времени, мотив должен подходить к темпу Зыкыра. Это пение называется «Хапыс», поют по три раза из каждого поэта, каждый куплет называется «Газал». После этого Ишан начинает произносить — «Ху», «Ху» (арабское слово — то же что Бог). Ишан произносит три раза «Ху» и этот звук подхватывают все люди, сидящие в кибитке, если люди прервут свои восклицания «Ху» или ошибутся, то Ишан снова затягивает — «Ху» (hou).

Своевременно, а больше когда устанут кричать, Ишан произносит — «Алла», после чего все замолкают и отдыхают.

Одновременно с производящим Зыкыр — «hou» Газалчи все-таки продолжают петь.

Когда люди начинают отдыхать, то Газалчи начинают петь те Газалы, которые на очереди. Затем три раза читают «Хапыс». Ишан встает и все встают и становятся вокруг больного, больной остается сидеть в середине, а люди начинают петь: «Ой, Ой, Алла, Ой, Ой, Алла», причем при звуках «Ой» наклоняют голову книзу, а при слове «Алла», кверху; так продолжают до усталости, в то же время в темп этому крику-пению и движениям головой Газалчи поют «Хапыс». Когда устанут, то Ишан произносит—«Алла», все прекращает кричать и петь и всем дается отдых, выходят из кибитки. После отдыха вновь начинают петь, но каждый раз на другой голос и мотив. Газалчи поют очередной мотив, но никогда не повторяют один и тот же, всегда новый. Затем Ишан начинает выполнять свои обязанности. Больной садится к одной стороне кибитки, возле Ишана (это 3-й период) и он начинается игрой (движения—Ойнали) и возгласами с придыханием—«Ойх, Ойх, Ойх»,—в это время с двух сторон выходят по человеку в круг, сгибась в пояснице, как бы крадучись, забросив халаты на спину, заложив руки на поясницу и ходят друг против друга, обходя друг друга и ударяют один правой ногой, один левой о землю в такт, произнося «Ойх, Ойх, Ойх». Одна пара заменяется другой постепенно, без перерыва, так что первая уходит, когда вторая войдет в такт и заменит их. Так продолжают до усталости и когда Ишан произносит «Алла», все останавливаются и уходят на свои места. Затем Газалчи поют тот «Хапыс», который будет дальше. Затем Ишан снова произносит—«Эй-у-Эй», «Эй-у-Эй» несколько раз (с хрипотой, подавленным, сжатым голосом), а люди, стоящие в кибитке, подхватывают эти звуки и продолжают произносить. В это время снова начинают выходить в середину круга попарно с произношением этого звука и сперва ходят согнувшись, как указано выше, а затем бьют об землю ногой, подпрыгивая (на манер танца) в такт пения Газала до усталости; это подпрыгивание изображает нечто вроде борьбы, состязания, изгнания; они не касаются друг друга, как бы крадучись обходят друг друга, а потом как бы нападают друг на друга, ударяя ногой о землю сверху и делая жесты руками; бьют не прямо ногой, а как бы подпрыгивая, забрасывая ноги поочередно сверху, то правую, то левую и спуская ее с силой на землю, в то же время руки поднимая кверху также поочередно. Затем Ишан кричит «Алла» и расходятся.

Газалчи произносят Газал три раза и Ишан тогда начинает другой темп—«Эй-и-Эй» также с хрипом и под этот такт 2 человека снова выходят на середину круга и в такт бьют ногами, один раз слабо, другой очень сильно, оба одновременно и одинаково до усталости. Ишан произносит «Алла» и все расходятся.

Газалчи поют то, что дальше будет следовать, а Ишан выводит больного в середину и поет—«Эй-у-Эй», «Эй-у-Эй» и люди подхватывают тот же звук и произносят его. Прыганья (танцев) нет теперь. Ишан берет больного за руку и водит его по кругу, в то время как круг (люди) продолжают кричать—«Эй-у-Эй», а Газалчи поют Газал.

Ишан начинает произносить (чекье)—«Ой, Ой»—это называется—«дем, дем зыкыр»), больной помещается в середине, люди все сближаются к нему и поют скорым темпом—«Ой, Ой», потом—«Им, Им» (закрыв губы). Ишан произносит «Алла-Экбер, Алла-Экбер» и после этого расходятся. Кто остается в кибитке, тот садится в широком кругу, в котором сидит Ишан, а больной против него. Ишан начинает петь-читать из корана

«Хатым Ходжа». После этого Ишан начинает лечение больного: обнимает ему голову, бьет по спине, делает массаж и т. д. и, наконец, дает ему дыхание — «Перу» 3 раза. Затем Ишан дает всем «Пата» (заключительная молитва) и все расходятся, но перед расходом родные и близкие больного дают народу чай, еду и вообще угощают.

Зыкыр для удовольствия, как развлечение, имеет ту же форму и тот же порядок, но только без больного и всех действий над ним. Такого порядка зыкыр существует среди иомудов и вообще туркмен этого района, но всегда дирижируют ишаны из родов — Ходжа, Ших, Махтум. Ишаны из рода Ата; ишаны из таджиков, сартов придерживаются несколько иного порядка и они производят зыкыр с пятницы до пятницы, у иомудов же с указанными ишанами производят во всякий день.

На этот зыкыр допускаются старые женщины, но молодые не допускаются. Женщины и девочки для своего удовольствия делают зыкыр самостоятельно, во всем подражая настоящему зыкыру.

Делают иногда над больным в небольшом виде зыкыр по домашнему, приглашая муллу, своих стариков и тогда народ не собирается, — это просто изгнание беса из больного.

Зыкыр пришел из Аравии и дирижировать в нем есть привилегия и преимущество потомков арабов — Ходжа, Махтум, Ших и Ата.

(Записано при помощи туркм. Огурджали, жителя острова Челекена Тадж-Гельды Махтум Кули Оглы и Кафура Амол Дурды Ходжи Оглы).

20/V 1923 г.

Каспийское море.

„Изчи“—(следопыты у Түрк-мән).

Иомуд Хан Караш Хан Оглы.

Түрк-мәны вообще очень хорошо разбираются в следах как человека, так и различных животных и по следам умеют определять—кто именно оставил на земле эти следы и другие подробности.

Лучше оседлых түрк-мән в следах разбираются кочевники, которые всю свою жизнь проводят в степи, в песках, ходят почти всегда без дорог, по следам ищут свой скот, ушедший караван и всю свою жизнь передвигаются и передвигаются из одной местности в другую, без конца.

Но есть отдельные люди, богато одаренные природой особой способностью великолепно разбираться в следах и определять по следам человека и животного все для них необходимое. В этом, конечно, нет ничего удивительного, ибо отдельные личности часто могут обладать особыми способностями и отличаться индивидуальными качествами, нередко поражающими других.

Однако, наше внимание останавливает чрезвычайно интересное явление, когда не отдельный человек, а целый род, огромная группа людей обладает такими особыми качествами, способностями, распознавать следы и достигла в этом распознавании огромных успехов, также поражающих всякого, кто только наблюдал эти способности. Поражает вас, что эта способность распознавать следы является почти наследственной, становится профессией не отдельного человека, а целого рода.

Небезинтересным будет поделиться теми наблюдениями, которые мне пришлось сделать среди одной группы населения түрк-мән.

На берегу Каспийского моря (бахры хазар), южнее залива Кара-Бугаз, между 39½ и 40° с. широты и 53—54° вост. долготы (по Гринвичу) находится песчаный полуостров Дарджа, образующий собою левый берег Узбоия.

На этом полуострове свыше пяти веков живет группа түрк-мән рода „Кенан“, они причисляют себя к иомудам ветви Огурджали, близкие роду Гирей из той же ветви Огурджали.

Вот этот то род Кенан и славится тем, что все мужчины являются весьма опытными и выдающимися „Изчи“ (ئىزچى).

Про этот род среди иомудов существует целый ряд рассказов, часто легендарного характера и Кенан стали как бы профессионалами в области опознания следов.

Түрк-манское слово—„ИЗ“ в переводе означает след и тот, кто специально умеет распознавать следы и занимается этим, называется «Изчи», т. е. следопыт.

Среди всех родов түрк-мән имеются „изчи“ т. е. люди, умеющие распознавать следы, но среди рода Кенан все люди являются наслед-

ственными и профессиональными «Изчи» и их умение распознавать следы и определять по следам доходит до виртуозности и это искусство у них поставлено на огромную высоту.

Род Кенен очель не велик, а на Дардже их живет всего до 70 семейств, или до 350 душ. Полуостров Дарджа песчаный, есть кое-какая песчаная растительность и значительное количество сазака, т. е. саксауловых деревьев. Пресной воды нет ни капли, ни одного пресного колодца и только во время зимних дождей иногда временно бывают дождевые лужи, из которых пьют воду. Занятие населения—заготовка сазака (саксаула) и подвозка его на берег, где эти дрова покупают жители острова Челекен и Шихской косы и увозят на лодках.

Кенан турк-мйны живут в определенных местах, в так называемых „Оях“, т. е. в небольших котловинах среди песчаных барханов, защищенных от песчаных буранов и ветров; эти места носят название „Эгри-аяк, Кеикли, Чадырли, Хомчали“.

Питьевую воду для себя жители Дарджа привозят на лодках с Шихской Косы, т. е. верст за 70 по морю, для скота же пресной питьевой воды совершенно нет и бараны, козы и верблюды всегда пьют морскую воду, при чем здесь вода особенно горько-соленая, т. к. это залив. Скот из степи этой воды совершенно не может пить но Дарджинский скот пьет всегда только морскую воду, вследствие этого породы скота выработались в особый тип, свойственный только этой местности, например, молоко верблюдов несколько солоноватое, но мясо баранов и коз отличается особенно приятным вкусом и турк-мйны говорят что оно такое „сладкое“, какого нет больше нигде во всей иомудской степи.

Конечно, турк-мйны Кенан умеют распознавать, как и всякий охотник, по следам род животного, даже пол, возраст, раненое животное или нет и т. д., но Кенаны в этом искусстве достигли гораздо большего.

Стоит Кенану познакомиться со следами матки верблюда, он всегда узнает потом след ее детенышей верблюжат и всегда скажет от какой матки прошел молодой верблюжонок.

Если пропадет верблюжонок и Кенану поручат найти его по следам, то среди многих следов верблюжат он всегда определит след искомого верблюженка, если ему покажут только след его матери, при чем ему нет необходимости видеть след самого разыскиваемого верблюжонка.

Точно также и с людьми. Если он знает след отца или матери, то всегда определит по следам взрослых их детей—мальчика или девочку и скажет чьи дети прошли.

При этом, отличительной чертой Кенан служит их феноменальная память на следы, им не представляется необходимым видеть след несколько раз или изучать его, им достаточно видеть след всего один раз и они его запомнят навсегда и, как сказано выше, по следам родителей определяют следы детей.

Разыскивая скот свой или чужой, Кенан прежде всего идет на водопой, куда скот непременно должен прийти рано или поздно и среди массы следов высматривает нужный ему след, т. е. след разыскиваемого скота. При этом ему не надо описывать приметы самого скота и видеть его, достаточно если он видел хоть раз только нужный след и он всегда определит имеется-ли в районе этого водопоя разыскиваемый им экземпляр скота.

Кроме того, ему не нужно видеть полный след, т. е. отпечаток на земле всей ступни, ему достаточно видеть только часть следа, а именно— переднюю его часть.

Кенан всегда может узнать по следам зайца, лисицы и других животных—самка-ли это или самец, если самка беременна, то он также легко узнает это и тогда идет по следам преследовать ее.

Гоняя зайцев, он всегда по следам знает скоро-ли заяц должен где-либо залечь и узнает это значительно раньше, чем заяц ляжет и тогда быстро идет к тому месту, где заяц уже залег.

Заяц, в свою очередь, очевидно зная эту невыгодную для него способность человека, всегда перед тем, как залечь, начинает путать свои следы, т. е. делает круги, зигзаги, перескакивает некоторое пространство и т. д., но это его не спасает от опытного Кенана.

Мы поделимся с читателем несколькими нам известными случаями распознавания Кенанами следов человека и животных.

На одном пустынном островке, вблизи полуострова Дарджа, паслись бараны, принадлежащие Дарджинцам; на таких безлюдных островах бараны пасутся без пастухов, а потому и на этом островке не было пастухов и вообще людей.

Однажды к этому островку пристала лодка из аула Гассан-Кули, отстоящего от полуострова Дарджа на расстояние свыше 300 верст. Гассан-Кулинцы, бывшие на лодке, сошли на берег и, похитив двух баранов уехали куда-то.

Через некоторое время хозяева баранов приехали на островок и обнаружили покражу своих баранов. Среди этих хозяев был один Кенан Менгли Мамед. Он осмотрел следы похищенных баранов и следы людей, увидел, что все следы ведут к берегу и определил, что баранов похитили посторонние, приезжие люди.

Спустя года два после этого события, Менгли Мамед Кенан на ост. Челекене, в ауле Огам-эне строил на берегу моря лодку; в один прекрасный день мимо него по берегу прошли три молодых турк-мйна, оставив на влажном песке отчетливо отпечатавшиеся следы; Менгли Мамед не знал кто эти турк-мйны и никогда раньше их не видел. Взглянув на их следы, Менгли Мамед неожиданно для всех окликнул этих турк-мйн, крича им—«стойте». Когда они остановились, то он им сказал: «Зачем, вы, года два тому назад украли наших двух баранов на острове Х». Проходящие турк-мйны остановились и обиженным тоном начали отрицать факт похищения.

Тогда Менгли Мамед начал им подробно пояснять, как они сошли в числе 2-х человек с лодки, каким образом они поймали баранов, как они тащили их, где остановились, как один из них остановился для отправления естественной надобности, а другой в это время держал баранов и т. д.; подробности были настолько доказательны, что эти молодые люди и сконфузились и испугались, а когда Менгли Мамед закончил свои слова требованием—«сейчас заплатите деньги за баранов», то они спросили—«сколько надо» и начали доставать деньги. Они оказались жителями Гассан-Кули, во всем сознались и извинялись, что, проезжая по морю, были голодны, пищи не имели, сошли на остров купить баранов, но, не найдя никого из людей, взяли баранов и уехали. Деньги они уплатили и поспешили уйти, пораженные тем, каким образом

мог узнать Кенан мельчайшие подробности похищения баранов, тогда как на острове их никто не видел. Им казалось, что Менгли Мамеду присущи качества волшебства, а между тем Менгли Мамед, ныне уже полуслепой старик, просто по следу ступни их узнал, что именно это они два гсда тому назад были на острове и украли баранов, при чем следы их он видел всего один раз.

У турк-мйна Анна Молла Ятчик Оглы, как-то украли верблюда, подозрение пало на турк-мйна соседнего аула, который в скором времени откочевал в Персию.

Через три года аул этот вновь прикочевал к Балканам, где жил Анна Молла. Три года тому назад след этого пропавшего верблюда и самого верблюда видел турк-мйн рода Кенан Мамед Курбан Ашир Оглы, поэтому Анна Молла взял с собою Мамед Курбана и пошел с ним в этот прикочевавший аул. Там они сказали, что у них пропал такой-то верблюд три года тому назад, описали его приметы и спросили нет-ли у них этого верблюда. В ауле заявили им, что у них такого верблюда нет. Вследствие настойчивых требований Анна Моллы показать им верблюдов, аул согласился показать и сказали: «у нас есть свыше ста верблюдов, завтра будем поить их, если вы узнаете след своего верблюда, то мы отдадим вам его». Утром верблюдов не показали Анна Молла и его товарищу, а прямо с ночевки погнали на водопой и оттуда отпустили в поле.

Мамед Курбан пошел к водопою и внимательно осмотрел следы свыше ста верблюдов, а потом заявил Анна Молла, что «твой верблюд прошел вот по этой стороне, его след есть». Тогда люди этого аула удивились, как он мог узнать след верблюда, которого он видел один раз три года тому назад и сказали — «действительно вы знаете следы» и отдали Анна Молла его верблюда.

Как-то на острове Хоро-Санли украл кто-то баранов, вора обнаружить не удалось, но след вора турк-мйны рода Кенан видели.

Шесть месяцев спустя один из Кенан, хозяин украденных баранов, поехал в Красноводск и в один день зашел на одну из стоящих на пристани лодск. На палубе лодки сидело много турк-мйн и пили чай; пригласили и Кенана присесть и напиться чаю; он сел и вдруг начал смотреть на ноги незнакомого ему человека; этот человек сидел, вытянув ноги в сапогах, так что Кенану была видна вся его ступня. Кенан долго всматривался в его ступню и вдруг обратился к нему и сказал: «шесть месяцев тому назад ты приезжал на остров Хоро-Санли и украл моих баранов, прошу тебя уплатить за них мне деньги».

Этот человек страшно сконфузился и подумал, что говоривший ему Кенан святой или волшебник, а потому растерянно во всем сознался и уплатил Кенану деньги.

Кенан узнал этого человека не по сапогу, а по форме ноги, так как во время похищения баранов он был не в сапогах, а босиком.

Однажды на полуострове Дарджа пропал верблюд и об этом хозяева его узнали только через три дня.

Один Кенан, Курбан увидел в степи след этого верблюда и возле него след какого-то человека. Курбан посмотрел и сказал, что этот след принадлежит какому-то человеку из отдаленных аулов, но не является следом Кенана или вообще Дарджинца. Оказывается он знал следы каждого из жителей полуострова Дарджа и ближайших аулов.

Через 7 дней Курбан поехал по следам разыскивать пропавшего верблюда. Таким образом он дошел до аула на колодце «Кара-Кую» и из массы следов узнал след того человека, который оставил свой след на Дарджа возле верблюда. По этому следу он определил, что верблюда украл турк-мйн рода Чукан—Аманджик. Последний сознался и отдал верблюда.

Вообще у всех турк-мйн принято для обнаружения похитителя скота, вещей, для розыска пропавших людей, скота и т. д. приглашать так называемых «Изчи», т. е. следопытов и среди всех родов турк-мйн такие «Изчи» имеются более или менее искусные в этой специальности.

Род же Кенан отличается этой способностью, они почти все являются следопытами-«Изчи», эта способность узнавать следы у них, как бы наследственна и воры вообще опасаются и не любят «Изчи», а местные воры не любят род Кенан за его способность.

Поразительно, что всякий турк-мйн, укравший что-либо, а особенно скот и уличенный (по следам) следопытом или иначе «Изчи», моментально теряется, никогда не запирается, откровенно сознается и отдает украденное.

1342-й год (1924 г. III).

Месяц Меред.

Дарджа.

„Кыр-Гун“ и „Агыр-Гун“.

Иомуд Хан Нараш Хан Оглы.

У Түрк-мйн вообще очень мало праздников в году и главными из них являются три дня «Кубан Байрама». Пост «Араза», на другой день после поста празднуют один день (Айт-намазы) и еще есть однодневные праздники в незначительном количестве.

Пятница или «Джума», в некоторых местах «Анна» — также праздник, но Түрк-мйны во все эти праздники работают и они отличаются от обычных дней только тем, что в них совершаются особые молитвы (намаз); но во время Курбан Байрама они не работают, все съезжаются в свои аулы, обязательно все посещают друг друга и в этот день надевают праздничную одежду. Все эти праздники являются установлением Мусульманской религии и «взяты из Китаба» (священная книга — Коран).

Но, по утверждению Түрк-мйн, у них имеется чисто национальный праздник, о котором ничего не говорится в «Китабе» и это есть установление чисто народное; праздник этот называется «Меред-Айт» или «Меред-Байрам» и ему предшествует «Кыр-Гун» (Грязный день).

Месяц — «Меред», в Түрк-мйнском наименовании соответствует месяцу «Шебан» 8-й месяц в году).

14-го числа Меред-Ая называется «Агыр-Гун» (тяжелый день): этот день и составляет праздник — Меред-Байрам или Меред-Айт.

По мнению Түрк-мйн, этот день — 14-е Мереда, есть день отчета за весь предыдущий год по отношению пребывания человека в этом мире и предначертаний на будущий год — кто должен отойти в «тот» мир, т. е. умереть в наступающем году и кто должен остаться в этом мире.

По убеждению Түрк-мйн у Ангелов (Периште) ведется особая поименная книга, в которую записаны имена всех тех людей, которые в течении одного года, от 14 по 14 Мереда должны умереть, а в ночь на 14 Мереда Ангелы, под руководством «Израиля-ангела смерти разбираются по книгам — кто должен был умереть и не умер и проверяют всех.

В то же время ангелы должны решить, кто в наступающем году должен умереть и, назначив тех лиц, кои должны будут умереть, вносят их поименно в особые списки.

Этот день Түрк-мйны называют — отчетным днем, придают ему огромное значение, встречают его тревожно и стараются принять меры, чтобы умилостивить судьбу и избежать назначения смерти.

В представлении Түрк-ман, в эту ночь проверка происходит приблизительно слудующим образом:

В эту ночь происходит «Сайлов» — избрание, переборка; ангелы, тут же присутствуют и другие «духи», прогоняют всех людей (их души) через препятствия и определяют, во первых, кто не умер из предназ-

наченных к смерти в истекшем году и, конечно, душу таких людей забирают и, во вторых—назначают кто должен умереть в наступающем году и вносят этих лиц в списки; для этой выборки и служат различные препятствия, через которые прогоняют всех людей, а именно: кто, проходя через препятствия, упадет, тот и должен будет умереть и вноситься в списки, а из внесенных в списки прошлого года все должны упасть непременно и их душу в эту ночь непременно возьмут; кто не упадет, проходя препятствие, тот останется жить.

По верованию Түрк-мәйн, принятие некоторых мер спасает многих от жребия и несколько можно умиловить судьбу. Так, например, надо иметь поддержку, надо быть в эту ночь не одному, а потому в ночь с 13 на 14 Мерета надо непременно ложиться спать с кем-нибудь вместе, вдвоем под одним одеялом, но ни в коем случае не одному; все ложатся спать по двое под одно одеяло и заботливые родные (из старших) обходят своих близких и заботливо напоминают о необходимости этой предосторожности и беспокоятся о тех, кто вынужден почему либо лечь спать один. Думают, что у того, кто будет спать один могут незаметно унести душу, т. е. он умрет.

В этом все настолько убеждены, что перед 14-м Мерета все серьезно озабочены принятием необходимых мер, говорят об этом и дают друг другу советы.

Одной из необходимейших мер, чтобы достойно и в полной готовности встретить эту страшную ночь «отчета», «избрания» и «проверки» является т. наз. «Согаб», т. е. умиловление, «богоугодное дело».

«Согаб» делается во всех случаях, когда бывает несчастье, болезнь, бедствие; дается милостыня, приносится жертва, помощь другим людям и т. д.

В данном же случае установлен специальный «Согаб» на 13 Мерет Ая и этот день называется «Кыр-Гун»..

В этот день все население должно произвести фундаментальную очистку своих жилищ, себя и одежды. Ранним утром 13-го Мерета все начинают мыть и чистить кибитки, дома, ковры, кошмы, свою одежду, самих себя, брить головы, мыть и т. д. и весь день проходит в этой чистке и день этот называется «Грязным днем»—«Кыр-Гун».

(Месяц Мерет Түрк-мәйны называют еще «Бира-эт»¹⁾).

¹⁾ Доложено 22. VI. 1924 г. в засед. секц. этн. и арх. Т. О. Р. Г. О.